

А. М. ПАНЧЕНКО

«ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ МИФ

Словосочетание «потемкинские деревни» давно стало фразеологизмом. Так говорят «о чем-либо, специально устроенном для создания ложного впечатления видимого, показного благополучия, скрывающего истинное положение, состояние чего-либо».¹ Общепринято, что это выражение — реакция трезво мыслящих и наблюдательных людей, русских и иностранцев, которые во время путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым не дали ослепить себя пышными празднествами, устроенными Потемкиным.² За пышным фасадом эти люди разглядели истинное и весьма печальное положение дел.

В самом деле, современники путешествия 1787 г. высказали немало резких суждений о «чудесах», показанных императрице. «Монархиня видела и не видала, — писал князь М. М. Щербатов, — и засвидетельствование и похвалы ее суть тщетны, самым действием научающие монархов не хвалить того, чего совершенно сами не знают».³ Из соотечественников М. М. Щербатова его взгляд разделяли такие государственные умы, как П. А. Румянцев и А. А. Безбородко. Что касается иностранцев, то их скепсис был выражен особенно отчетливо. Типичным в этом смысле можно считать высказывание шведа-очевидца Иоанна-Альберта Эренстрема: «От природы пустые степи... были распоряжениями Потемкина населены людьми, на большом расстоянии видны были деревни, но они были намалеваны на ширмах; люди же пстада пригнаны фигурировать для этого случая, чтобы дать самодержице выгодное понятие о богатстве этой страны... Везде

¹ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1960, т. X, стб. 1595.

² Об этом пишут без всяких оговорок, как о непреложном факте: «Выражение возникло после того, как князь Г. А. Потемкин при посещении Крыма Екатериной II установил на пути следования императрицы декоративные подобиия селений, чтобы убедить ее в успехах своей деятельности» (там же).

³ ЧОИДР, 1860, т. I, с. 80.

видны были магазины с прекрасными серебряными вещами и дорогими ювелирными товарами, но магазины были одни и те же и перевозились с одного ночлега (Екатерины II, — А. II.) на другой». ⁴ Правда, это выдержка не из дневника, а из мемуаров, которые сочинялись спустя десятилетия после путешествия (автор мемуаров дожил до 1847 г.). Этот жанр вообще не свободен от анахронизмов — не только фактических, но и умозрительных, оценочных. К тому же швед-очевидец сам по себе человек ненадежный: это политический авантюрист, который служил то своей родине, то России, ставал у позорного столба (в буквальном смысле слова) и однажды чуть не потерял голову на эшафоте, получив помилование в самый последний момент.

Но примерно то же писал и Гельбиг, отражая мнение императора Иосифа II: живописные селения были всего-навсего театральными декорациями; Екатерине несколько раз кряду показывали одно и то же стадо скота, которое перегоняли по ночам на новое место; в воинских магазинах мешки были наполнены не зерном, а песком. ⁵

Но нельзя считать, что «таков был общий глас». Совсе не легковверный принц де Линь, возвращаясь из Тавриды в Петербург, в Туле назвал рассказы о декорациях нелепой басней ⁶ (из чего ясно, в частности, что миф о «потемкинских деревнях» — если не как фразеологизм, то как идея — современен самому событию). Значит, даже в окружении «графа Фалькенштейна» не было единодушия по этому поводу. Вообще было бы наивно верить на слово как иноземным, так и русским хулителям Потемкина. Канцлер А. А. Безбородко всегда составлял ему оппозицию. Граф П. А. Румянцев, в качестве генерал-губернатора Малороссии, явился естественным соперником человека, которому было вверено новороссийское наместничество. Что до М. М. Щербатова, то его неприязнь к «прожектам» Екатерины и Потемкина достаточно хорошо известна. Поэтому нет резона отнестись на счет обыкновенного придворного интриганства слова последнего, когда он писал 17 июля 1787 г. императрице из Кременчуга: «Матушка государыня! Я получил ваше милостивое письмо из Твери. Сколь мне чувствительны оногo изъяснения, то богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твое о благосостоянии моем есть движение, по избранию учиненное. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен, сколь много ты сделала мне отличностей; как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне, но всего больше, что *никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла и все коварства не могли иметь успеха* (курсив мой, — А. II.)». ⁷

⁴ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема. Сообщил Г. Ф. Сюннерберг. — Русская старина, 1893, июль, с. 12.

⁵ См.: Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1891, с. 101.

⁶ Там же.

⁷ Русская старина, т. XII, с. 699—700.

В связи с вышесказанным должно сделать заключение, что миф о «потемкинских деревнях» — именно миф, а не достоверно установленный факт. Как миф его и надлежит анализировать. В какой обстановке он возник и насколько соответствует реальности? Можно ли в толковании его ограничиться указанием на борьбу придворных группировок и «злобу и зависть» иностранных наблюдателей, т. е. недоброжелательство к постоянно усиливающейся России? Не было ли в «чудесах» Потемкина чего-то большего, нежели элементарное карьеристское желание угодить царице, посрамить своих многочисленных врагов и упрочить свое первенство в государстве? Наконец, как выглядят эти «чудеса» с культурно-исторической точки зрения, была ли лихорадочная колонизация Новороссии и Тавриды только цивилизационной деятельностью, не скрывается ли за нею некий «повороссийский прожект», подобный «греческому прожекту» канцлера А. А. Безбородко?

Разбор источников не оставляет сомнений, что мысль о «потемкинских деревнях» возникла за несколько месяцев до того, как Екатерина II ступила на новоприобретенные российские земли. Миф предварял реальность, и в этом нет никакого парадокса, если учитывать атмосферу соперничества, наговоров и взаимной ненависти, в которой жил петербургский высший свет. О том, что ее ожидает лицемерие размалеванных декораций, а не долговременных построек, царице твердили еще в Петербурге (об этом есть много тревожных помет в «Записках» М. А. Гарновского,⁸ который управлял делами Потемкина в Петербурге). Еще оживленнее разговоры о непременной мистификации стали в Киеве, и Екатерина II вполне серьезно к ним прислушивалась.

Не случайно в дневнике А. В. Храповицкого находим такую запись от 4 апреля 1787 г.: императрица порывается как можно скорее отбыть в Новороссию, «не взирая на неготовность к [нзя] П[отемкина], тот поход удерживающего».⁹ Постоянная перлюстрация депеш европейских дипломатов, сопровождавших Екатерину II в путешествии на русский Юг, часто укрепляла и усиливала ее сомнения. Английский посланник Фиц-Герберт, например, отправлял донесения о непомерном, переходящем все

⁸ См.: *Гарновский М. А. Записки.* — Русская старина, 1876, № 1, с. 9—38; № 2, с. 237—265.

⁹ *Храповицкий А. В. Дневник. 1782—1793.* М., 1902, с. 17. О том же, там же и почти в тех же выражениях писал посланник Людовика XVI граф Сегюр — впрочем, без всякой задней мысли по отношению к Потемкину: «Князь Потемкин постоянно почти находился в отсутствии, занятый приготовлениями великолепного зрелища, которое намеревался представить взорам своей государыни при вступлении ее в области, ему подчиненные» (Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л. Ф. Сегюра. (1785—1789). — Русский архив, 1907, № 10, с. 216).

мыслимые границы честолюбия Потемкина, скептически замечая, что Потемкин ищет первенства только ради первенства. Фиц-Герберт даже придумал новороссийскому генерал-губернатору подходящий латинский девиз: «Nec viget quiquam simile aut secundum», т. е.: «Да не пребудет на кого-либо похож или после кого-либо вторым».¹⁰ Что же в действительности увидели в Новороссии императрица и ее великолепная свита? Что им показал Потемкин?

Для них было приготовлено и им было преподнесено невиданное по разнообразию и пышности зрелище. Само собою разумеется, что многие его частности следует трактовать как проявление того прихотливого самодурства, которым славился Потемкин. Такова, бесспорно, история с пресловутой амазонской ротой.¹¹ Согласно одному из тогдашних анекдотов (это слово я употребляю в его изначальном значении; анекдот — не вымысел, а рассказ о реальном и чем-либо замечательном происшествии), Потемкин незадолго до путешествия, еще в бытность в Петербурге, в разговоре с царицей «выхвалял храбрость греков и даже жен их». Екатерина выразила сомнение по этому поводу, и Потемкин обещался представить доказательства в Крыму. Тотчас (дело было в марте) в Балаклавский греческий полк поскакал курьер — с предписанием «неприменно устроить амазонскую роту из вооруженных женщин». Ее командиром сделали Елену Сарданову, жену ротного капитана; «сто дам собрались под ее начальство».

Балаклавским амазонкам придумали маскарадный наряд: «юпки из малинового бархата, обшитые золотым галуном и золотою бахромою, курточки зеленого бархата, обшитые также золотым галуном; на головах тюрбаны из белой дымки, вышитые золотом и блестками, с белыми страусовыми перьями». Их даже вооружили — дали по ружью и по три холостых патрона. Недалеко от Балаклавы императрица в сопровождении Иосифа II делала смотр амазонкам. «Тут устроена была аллея из лавровых деревьев, усеянная лимонами и апельсинами» и т. д. Это штрих характерный, но мелкий и в нашей теме ничего не проясняющий.

Среди потемкинских зрелищ было много и таких, которые дают интересный материал для истории развлечений XVIII в., истории придворного быта и придворного поведения. Таковы прежде всего иллюминации и фейерверки. В Каневе вечером 7 мая, при отъезде польского короля Станислава-Августа «с императорской яхты ему салютовали пушками с флотилии, как утром. Иллюминация обелиска с вензелем императрицы была весьма удачна, так же милы были жирандоль с букетом, в четыре

¹⁰ Храповицкий А. В. Дневник, с. 16.

¹¹ [Дуси Г.] Записка об амазонской роте. — Москвитянин. 1844. ч. I. № 1, с. 266—268.

тысячи ракет, и огненная гора, которая казалась лавою».¹² Особенно большое впечатление произвел фейерверк в Севастополе. Принц Карл-Генрих Нассау-Зиген, состоявший в русской службе, так описывает восторженную реакцию «графа Фалькенштейна»: «Император говорит, что он никогда не видел ничего подобного. Сноп состоял из 20 тысяч больших ракет. Император призывал фейерверкера и расспрашивал его, сколько было ракет, „на случай, — говорил он, — чтобы знать, что именно заказать, ежели придется сжечь хороший фейерверк“. Я видел повторение иллюминации, бывшей в день фейерверка; все горы были увенчаны вензелями императрицы, составленными из 55-ти тысяч плошек. Сады также были иллюминированы; я никогда не видал такого великолепия!»¹³ Столь же роскошные и расточительные иллюминации были в Бахчисарае и других городах.

Конечно, многое, очень многое в задуманной Потемкиным феерии имело чисто развлекательные цели. Конечно, на это ушла уйма казенных денег, миллионы и миллионы, которым можно и должно было найти лучшее, полезное стране применение. В этом отношении, пожалуй, прав был граф де Людольф, заметивший, что «для разорения России надобно не особенно много таких путешествий и таких расходов».¹⁴ Но вот что важно: Потемкин действительно декорировал города и селения, но никогда не скрывал, что это декорации. Сохранились десятки описаний путешествия по Новороссии и Тавриде. Ни в одном из описаний, сделанных по горячим следам событий, нет и намека на «потемкинские деревни», хотя о декорировании упоминается неоднократно. Вот характерный пример из записок графа Сегюра: «Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами».¹⁵

Важно и другое: потемкинская феерия была так блестяща, так разнообразна и непрерывна, что не всякий наблюдатель был в состоянии отличить развлечения от идей — в высшей степени серьезных, поистине государственного масштаба. Если пользоваться принятой ныне терминологией, то можно сказать, что некоторые из потемкинских «чудес» обладали повышенной знаковойностью. Обозревая путешествие Екатерины II внимательно и

¹² Дневник, воденный во время пребывания императрицы Екатерины II в Киеве и Кацове одною из придворных дам короля Станислава-Августа. — Сын Отечества, 1843, кн. 3, с. 30—31. Здесь, между прочим, подчеркнута разница между скромными приемами П. А. Румянцева и блистательными — Потемкина (с. 26).

¹³ В. В. Т. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. — Русская старина. 1893, ноябрь, с. 298.

¹⁴ Людольф де. Письма о Крыме. — Русское обозрение, 1892, март, с. 183.

¹⁵ Русский архив. 1907, № 10, с. 233.

день за днем, мы в силах отделить плеселы от зерен, выявить сквозные мотивы, на которых делался постоянный акцент.

Прежде всего, это флот. Тема флота — первая из звучащих в описаниях тем. Она начинается уже с Киева, как только Потемкин перенял от П. А. Румянцева попечение над державной гостьей. Екатерина со спутниками отплыла вниз по Днепру на галерах. Они были построены в римском стиле, отличались колоссальными размерами (на галере «Десна» была даже особая обеденная зала) и богатейшим декорумом. Окруженные малыми судами, плютками и лодками, галеры возглавляли целую флотилию, которая и вправду представляла собою величественную картину.

Быть может, это просто-напросто «царский поезд», роскошное средство передвижения? Ничуть не бывало. Галеры были вооружены, производили маневры, салюты и т. д. Вот как готовилась встреча польского короля: «Ему будет оказана церемониальная встреча; все галеры выстроятся в боевом порядке и будут салютовать из орудий. Все катера поедут за ним, с вышшими придворными чинами».¹⁶ Покуда это выглядит как развлечение или нечто подобное, но тема флота продолжается и звучит все громче и громче — и в переносном смысле, и в буквальном, поскольку становится все мощнее гром корабельных пушек.

Последние дни мая 1787 г., Херсон. Иосиф II, он же «граф Фалькенштейн», уже присоединился к русской царице. Предоставляем слово графу де Людольфу: «26-го я присутствовал при самом великолепном в мире зрелище, так как в этот день был назначен спуск военных кораблей. По моем приезде в Херсон (сколько можно судить, автор прибыл туда ровно за две недели до описываемого торжества, 12 мая, — А. П.) я не мог себе представить того, чтоб эти суда могли быть готовы к прибытию императрицы, но работали так усердно, что к назначенному сроку все было готово... Все сделано только на скорую руку. Тем не менее я был поражен прилагаемою ко всему деятельностью. Это страна вещей удивительных, и я их всегда сравниваю с тепличными произведениями, только уж не знаю, будут ли они долговечны».¹⁷

Далее описывается спуск на воду трех кораблей, одному из которых из любезности по отношению к австрийскому императору было дано название «Иосиф II». В только что приведенной питате восхищение перемешано со скепсисом. Это вообще свойственно отзывам иностранцев,¹⁸ как видно хотя бы из такой сцены, зафиксированной де Людольфом: «Император Иосиф и весь двор поздравляли императрицу с таким успехом, государыня

¹⁶ Русская старина, 1893, ноябрь, с. 289.

¹⁷ Русское обозрение, 1892, март, с. 180.

¹⁸ Иногда их наблюдения совершенно курьезны. Таково, например, изумление де Людольфа по поводу парных бань, заставляющее вспомнить известную легенду об апостоле Андрее в «Повести временных лет» (там же, с. 192).

спросила у императора по-немецки о том, что он думает об ее хозяйстве. Но он ограничился тем, что ответил ей глубоким безмолвным поклоном, предоставив зрителям истолковывать по своему усмотрению это весьма двусмысленное выражение того, что он думает!»¹⁹ Европейцы оставались неисправимо самодовольны: всякий русский успех казался им нонсенсом: «Строитель — русский и никогда не выезжал из своего отечества, но, по-видимому, он хорошо знает свое дело, потому что знатоки говорят, что корабли эти очень хорошо сделаны».²⁰ Главный сюрприз, однако, был еще впереди.

Апофеоз флотской темы — посещение Севастополя. Нет нужды описывать знаменитый парадный обед в Инкерманском дворце, из окон которого открывался великолепный вид на севастопольский рейд. По знаку, данному Потемкиным, запавеси были отдернуты и стоявший на рейде черноморский флот салютовал Екатерине и ее гостям. Нет нужды описывать также объезд кораблей.²¹ Впрочем, одну деталь стоит упомянуть, поскольку она «маркирована», поскольку ей придана «повышенная знаковая»: Екатерина объезжала суда на катере, который был точной копией султанского.

Чрезвычайно интересна реакция иностранцев, присутствовавших на обеде в Инкерманском дворце. «Император был поражен, увидев... прекрасные боевые суда, созданные как бы по волшебству... Это было великолепно... Первой нашей мыслью было аплодировать»;²² на прогулке граф Сегюр говорил «графу Фалькенштейну»: «Мне... кажется... что это страница из „Тысячи и одной ночи“, что меня зовут Джаффаром и что прогуливаюсь с халифом Гаруном-аль-Рашидом, по обыкновению его переодетым».²³ Иначе говоря, Потемкин добился своего. Мысль о флоте, о черноморской эскадре, прочно укоренилась в умах путешественников.

Следующий из сквозных мотивов — мотив армии. «Переехав через Борисфен, мы увидели детей знатнейших татар, собравшихся тут, чтобы приветствовать императрицу. Поговорив с ними, мы двинулись к каменному мосту, до которого оставалось около 30 верст... Тут ожидало нас до трех тысяч донских казаков со своим атаманом. Мы проехали вдоль их фронта, весьма растянутого, так как они строятся в одну линию. Когда мы их миновали, то вся эта трехтысячная ватага пустилась вскачь, мимо нашей кареты, со своим обычным гиканьем. Равнина мгновенно покрылась солдатами и представляла воинственную картину, способную всякого воодушевить».²⁴

¹⁹ Там же, с. 181.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Отрывки из записок севастопольского старожила. — Морской сборник, 1852, № 1, с. 40—41 (ср. с. 44).

²² Русская старина, 1893, ноябрь, с. 294—296.

²³ Русский архив, 1897, № 10, с. 249.

²⁴ Русская старина, 1893, ноябрь, с. 291.

«Воодушевление» охватывало участников путешествия и в других местах. В Кременчуге состоялись большие маневры («блистательный смотр войск»²⁵); татарская конница сопровождала Екатерину (в качестве почетной охраны) от Перекопа; демонстрировалось как регулярное, так и иррегулярное войско, в частности калмыцкие полки, и т. д.

Третий мотив, который, подобно флоту и армии, воплощался зримо и наглядно — это мотив цивилизации. Все знали, что Новороссия совсем недавно была присоединена к империи Екатерины II; что это пустынная степь, без городов, дорог, без оседлого населения. Целью Потемкина было продемонстрировать, что этот обширный край уже практически цивилизован или по крайней мере энергично цивилизуется.

«Признаюсь, что я был поражен всем, что видел, — писал граф де Людольф, — мне казалось, что я вижу волшебную палочку феи, которая всюду создает дворцы и города. Палочка князя Потемкина могущественна, но она ложится тяжелым гнетом на Россию. . . Вы без сомнения думаете, друг мой, что Херсон пустыня, что мы живем под землей; разуверьтесь. Я составил себе об этом городе такое плохое понятие, особенно при мысли, что еще восемь лет тому назад здесь не было *никакого* жилья, что я был крайне поражен всем, что видел. . . Князь Потемкин. . . бросил на учреждение здесь города семь миллионов рублей». И дальше следуют похвалы «кремлю», домам, планировке улиц, «саду императрицы» («в нем 80 тысяч всевозможных плодовых деревьев, которые процветают»²⁶), построенному для императрицы дворцу, верфи и т. д.

Даже упомянутый выше Иоанн-Альберт Эренстрем, апологет мифа о «потемкинских деревнях», вынужден был сделать оговорку, которая свела на нет все его инвективы по адресу новороссийского наместника. От инвектив автор переходит к похвалам «более существенных предметов для глаз»²⁷ — триумфальных ворот в городах, арсеналов, красивых каменных и деревянных домов и дворцов, крепостей и т. п.

Символом цивилизаторских усилий стала закладка Екатеринослава; это произошло тотчас же по приезде императора Иосифа II, на другой день. Не все в этой церемонии удалось Потемкину так, как он задумал. В частности, не успела прибыть из Берлина гигантская статуя Екатерины. Но грандиозность планов Потемкина и без того поражала воображение. После того как в походной церкви (т. е. в шатре, раскинутом на берегу Днепра) отслужили молебен, два монарха заложили первый камень в основу екатеринославского собора.

Согласно проекту, он должен был походить на собор св. Петра в Риме. Существуют достоверные рассказы, что Потемкин при-

²⁵ Русский архив, 1897, № 10, с. 240.

²⁶ Русское обозрение, 1892, март, с. 170, 172, 175.

²⁷ Русская старина, 1893, июль, с. 12.

казал архитектору превзойти эту главную святыню католического мира, «пустить на аршинчик длиннее, чем собор в Риме».²⁸ Пусть «граф Фалькенштейн» в разговорах с Сегюром и де Линем смеялся над Потемкиным; пусть грандиозная постройка так и не осуществилась (возвели только фундамент, обошедшийся в семьдесят тысяч рублей; впоследствии, когда Екатеринослав из проекта превратился в реальный город, церковь все же была выстроена — по такой обыкновенной и скромной, что фундамент стал ее оградой). Но нас занимает не только реальность, но также идея, также планы Потемкина. Они были грандиозны до фантастичности.

Екатеринослав предполагали сделать столицей Новороссии. Все было предусмотрено — не забыта даже музыкальная академия, которой предназначалось заведовать знаменитому Сартти. Если и позволительно говорить о «потемкинских деревнях», то к ним относился один Екатеринослав — город-мираж на днепровском берегу. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Потемкин более всего потряс путешественников не тем, что он им показал, а тем, что они могли увидеть только на планах. Здесь мы вступаем в мир идей — и это, вне всякого сомнения, самое интересное в новороссийском путешествии.

Над ним как бы витал дух истории. И русские, и иностранцы, сколько можно судить по запискам, корреспонденциям и мемуарам, все время о ней думали и разговаривали. Когда после встречи со Станиславом-Августом царица послала ему знаки и ленту ордена Андрея Первозванного, она сопровождала этот жест грамотой, в которой упоминалось о легендарном путешествии апостола Андрея по Днепру, из «Грек в Варяги» (ведь встреча с польским королем произошла на Днепре). Граф де Людольф на археологические темы: «При раскопках в развалинах Херсонеса найдено множество монет Александра Великого, некоторых римских императоров и русского царя Владимира Первого, явившегося сюда в 988 году, чтобы креститься. Он женился на дочери константинопольского императора Анне».²⁹

Не будем уличать автора в недостаточном знании истории (это проявилось бы, если бы цитата была продолжена). Важнее то, что он очертил некоторые исторические вехи, которые присутствовали в сознании путешественников, идею преемства от Греции прежде всего. Эту идею подтверждает такой красноречивый и беспристрастный источник, как топонимика: отнюдь не случайно возникавшие в Новороссии и в Тавриде города получали греческие названия. Не случайно столицей Крыма не был оставлен Бахчисарай. Его должен был заместить Симферополь, ибо в глазах Потемкина и Екатерины это был уже не татарский Крым, а именно Таврида.

²⁸ Русский архив, 1865, с. 870.

²⁹ Русское обозрение, 1892, март, с. 157.

нечно, нельзя забывать и о русских подголосках; о них речь шла выше; их позиция — это позиция конкурентов Потемкина, их поползновения были прежде всего карьеристскими).

Заметим, что уже во время путешествия и особенно сразу после него буквально все иностранные наблюдатели пишут о неизбежной и близкой войне России с Турцией. Известно, что не только Франция и Англия, не только Пруссия, но даже союзная внешне Австрия буквально толкали Турцию на открытый конфликт. Коль скоро в Новороссии и Тавриде нет «существенного», нет хорошего войска, нет хорошего флота, коль скоро там есть только «потемкинские деревни», — значит, победа Турции возможна, значит, Крым снова будет ей принадлежать.

Турции пришлось убедиться, что миф о «потемкинских деревнях» — это действительно миф.